

«Богу молиться, сударыня, есть время поутру и вечеру, сколько угодно и без народного видения <. . .> неприлично быть службе божий, где танцуют» (л. 10/12 об.). Миловид не знает наизусть ни часослова, ни псалтыря, поскольку, как объясняет Добромыслов Аксену, «сие предоставляется церковнослужителям, а ему надлежит то знать, как жить в свете, быть полезным обществу и добрым слугою отечеству» (л. 19/10 об.). Даже есть мясо в пост не кажется ему тяжким грехом. «В Петербурге без того обойтись не можно», — спокойно констатирует он (л. 10/12 об.).

Во второй редакции действие обрывалось в тот момент, когда Аксен останавливал расспросы Улиты словами: «Очень ты, душенька, так любопытствуешь. Что нам нужды, как кто ни молится». Она отвечала: «Ну, я и перестану. Кто как хочет, так и живет» (л. 10/12 об.). На этом этапе стороны еще не поняли друг друга и остались каждая при своем мнении. Насколько в конечном итоге поддались рациональным аргументам Аксен и Улита, осталось за пределами известного нам текста. Однако в том, что, по замыслу автора, убеждение должно было на них подействовать, нет никакого сомнения: это диктовалось агитационной установкой пьесы.²³

В свете предложенного толкования сатира анонимной комедии получает иные отправные точки и цели, нежели сатира «Бригадира» и «Недоросля». Если датировать рукописную пьесу 60-ми гг. и признать произведением Фонвизина, то по логической необходимости придется согласиться с тем, что ею Фонвизин вступил в полемику с елагинским кружком и рядом других писателей по одному из принципиальных и актуальных вопросов, поставленных русскою жизнью того времени, и что его взгляды по этому вопросу претерпели быструю эволюцию, совершив при этом необычайно крутой поворот. Миловид, его брат («мальчик») и сын помещика Смыслова, воспитанники учителей-иностранцев, — антиподы «русских французов», сатирически изображенных в «Бригадире» и в комедиях И. П. Елагина, Б. Е. Ельчанинова, А. Г. Карина; рукописный «Недоросль» разрушал предубеждение против иноземных учителей — в «Бригадире», а впоследствии в «Недоросле» и «Выборе гувернера» они являют объект жестокой насмешки. Какую бы датировку рукописного «Недоросля» и «Бригадира» ни принять, в какой бы хронологической последовательности ни расположить их относительно друг друга, но если признавать их произведениями одного автора, то неизбежен противоречащий всем известным фактам и потому явно ошибочный вывод о быстрой смене взглядов Фонвизина. Он может быть устранен предположением, что в двух комедиях 60-х гг. Фонвизин последовательно показал разные плоды «французского» воспитания и образования, но при любой хронологической последовательности пьес (рукописный «Недоросль» пред-

²³ Изъятие сцены с «мальчиком» разрушало идейный замысел пьесы. Поэтому в третьей редакции она, по всей вероятности, должна была бы сохраниться в каком-то переработанном виде.